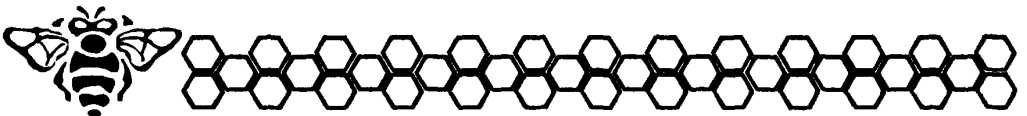


STUDIA PHILOLOGICA



Н. Н. ДУРНОВО

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ЯЗЫКА



ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.031
Д 84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16323

Дурново Н. Н.

Д 84

Избранные работы по истории русского языка. – М.:
Языки русской культуры, 2000. – I-XXXVI, 780 с. – (Studia
philologica).

ISBN 5-7859-0097-1

В настоящий сборник вошли работы Н. Н. Дурново по истории славянских языков, главным образом церковнославянского, опубликованные в трудно доступных для широкого круга читателей изданиях и не переиздававшиеся в советское время. Эти работы остаются актуальными и в настоящее время: ученые, не знакомые по тем или иным причинам с идеями Н. Н. Дурново в области исторической славистики, продолжают придерживаться в своих исследованиях положений, которые Н. Н. Дурново уже в свое время признал неверными и бесперспективными для науки о языке.

Это касается прежде всего методики анализа памятников древней письменности, когда из рукописей извлекаются отдельные примеры, предположительно отражающие реальное произношение писца, и при этом недооценивается или полностью игнорируется специфика норм языка книжного. Вопросам формирования норм местных “литературных” языков, главным образом церковнославянского русского извода, Н. Н. Дурново уделяет особое внимание. Учет этих норм, понимание их специфики, как показывают исследования Н. Н. Дурново, позволяют гораздо глубже оценить значимость накопленных его предшественниками фактов, отражающих живое древнерусское произношение.

Новаторством Н. Н. Дурново была также концепция старославянского как литературного языка – в отличие от младограмматической традиции, считавшей старославянский лишь письменной фиксацией одного из болгарских говоров. В результате взаимодействия старославянского языка и местных славянских говоров, к которым он “приспосабливается”, образуются отдельные славянские “литературные диалекты” – церковнославянский язык отдельных изводов, который в дальнейшем претерпевает всюду сложную эволюцию. Представление Н. Н. Дурново о церковнославянском языке как о живой и развивающейся системе также противоречило взглядам его предшественников.

Как уже было сказано, идеи Н. Н. Дурново остаются актуальными и сейчас. Можно надеяться, что настоящая публикация будет полезна многим исследователям.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства “Языки русской культуры”, имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0097-1



9 785785 900974 >

© В. М. Живов. Предисловие, 2000
© А. В. Головачева, С. В. Петрова, П. В. Петрухин.
Перевод на рус. яз., 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>В. М. Живов. Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания</i>	VII
--	-----

Очерк истории русского языка	1
---	---

С т а т ь и

К вопросу о языке Киевских листков	341
К истории звуков русского языка	350
К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола	368
Рефлекс *sk в славянских языках (перевод с французского С. В. Петровой)	383
Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка	391
Спорные вопросы общеславянской фонетики	
1. Начальное <i>e</i> в общеславянском языке	495
2. Гласные из <i>ep, et</i> перед носовыми в общеславянском	542
Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов	566
Мюнхенский алфавитарий	613
К вопросу о времени распада общеславянского языка	624
Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» <i>o</i> и о другого происхождения (перевод с французского С. В. Петровой)	638
Славянское правописание X—XII вв.	644
Еще раз о ст.-сл. <i>кужь</i> (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	683
О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах (перевод с немецкого А. В. Головачевой)	685
Старославянское <i>пѣгыни</i> (<i>пѣгыни</i>) (перевод с польского А. В. Головачевой)	690
К вопросу о старославянском языке (перевод с немецкого П. В. Петрухина)	694

Рецензии

Архангельское Евангелие 1092 года. Издание Румянцевского музея. М., 1912	703
Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језичка испитивања о Мирославъевом јеванђељу.	708
С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке.	719
В. М. Истрин. Книгы временигы и образгыя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе .	735
<i>Библиография к «Избранным трудам Н. Н. Дурново».</i>	755
<i>Список памятников</i>	768
<i>Условные сокращения.</i>	778

Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания

Николай Николаевич Дурново родился 23 октября (4 ноября) 1876 г. в деревне Парфенки Рузского уезда Московской губернии в семье Николая Николаевича Дурново-старшего. Его отец был известным церковным публицистом и издателем довольно консервативного направления, писавшим, в частности, не без славянофильских тенденций по вопросам православия у славян и на христианском востоке. Матерью Н. Н. Дурново была Елизавета Ивановна Вельменинова, которой и принадлежала деревня Парфенки; отец же был небогат и никакой земельной собственности не имел. Н. Н. Дурново был старшим из трех братьев, хотя именно он в наследство получил одного кота.

В 1895 г. Н. Н. Дурново окончил 6-ю московскую гимназию с серебряной медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь его интересы были сосредоточены вокруг древнерусской литературы, в области которой его учителем был М. И. Соколов, и языкознания — Московскую лингвистическую школу возглавлял Ф. Ф. Фортунатов. В своей биографии 1904 г. Дурново писал: «На выбор специальности оказали влияние интересы отца и его библиотека, заключающая много книг по церковным и политическим вопросам, по славянской этнографии и истории и истории государства и права» (Сумникова 1995, 74). Тогда же, по словам Дурново, развился его «интерес к классическим писателям и языкознанию. Интерес к диалектологии поддерживался жизнью в имении» (там же). В 1899 г. Дурново окончил университет с дипломом первой степени и был оставлен при кафедре русской словесности для подготовки к магистерскому экзамену; и здесь его руководителями были М. И. Соколов и Ф. Ф. Фортунатов.

В годы магистратуры Дурново активно занимается русской диалектологией и древнерусскими литературными памятниками. Он публи-

кует «Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда Московской губернии» (Дурново 1900—1903), содержащее монографическое описание говора не только в его отличиях от литературного языка, но как законченной системы. В 1901 г. Дурново вместе с другими учениками Фортунатова (Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым и др.) организует Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка, который в 1903 г. преобразуется в Московскую диалектологическую комиссию при Отделении языка и словесности Академии наук; работой комиссии руководит Ф. Е. Корш, ее поддерживает А. А. Шахматов. Забегая вперед, стоит заметить, что русская диалектология как научная дисциплина и была создана работами Комиссии; по составленным членами Комиссии (прежде всего Дурново) программам для собирания сведений о русских говорах обследовались диалекты большинства губерний Европейской части России, и на основе этих сведений была создана классификация восточнославянских диалектов и составлена диалектологическая карта русского языка в Европе. Это было, однако, уже позже, в 1914 г., а в 1903 г. Дурново издает «Диалектологическую карту Калужской губернии», важную как первый для Дурново опыт лингвистического картографирования.

В 1904 г. после сдачи магистерских экзаменов и пробных лекций Дурново становится приват-доцентом Московского университета. Он читает курс диалектологии русского языка, ведет занятия по современному русскому языку и просеминарий по древнерусской литературе. Хотя по видимости ученая карьера Дурново складывается достаточно гладко, он сталкивается с постоянными трудностями жизнеустройства. Как замечает Т. А. Сумникова, «[п]риват-доцентское жалование в университете, к тому же при неполной и непостоянной нагрузке, не обеспечивало нормальной жизни даже неженатого человека, и Н. Н. Дурново вынужден был преподавать еще в двух частных гимназиях. Работа в МДК велась на общественных началах. Лишь в 1906 г. Н. Н. Дурново, будучи ученым секретарем комиссии, получил стараниями А. А. Шахматова от Отделения русского языка и словесности стипендию в 900 руб. с ежемесячной выплатой „для поддержания научной деятельности“ [...] В 1906 г. Н. Н. Дурново женился на соседке по имению, дочери состоятельных помещиков Рукиных — Екатерине Евгеньевне. Ее письма к мужу за 1909—1910 гг. полны сетований на нехватку необходимого: „... дело было... в вечном безденежье“, „живем впроголодь“» (Сумникова 1995, 77—78).

В силу этих обстоятельств Дурново в 1910 г. перешел в Харьковский университет, оставаясь приват-доцентом и ведя одновременно преподавание на Высших женских курсах и в двух частных гимназиях. Как свидетельствует семейная переписка (Сумникова 1995, 78), в материальном отношении положение его улучшилось лишь незначительно, а в жизни возникли новые трудности; например, Дурново еженедельно ездил из Харькова в Москву на заседания Московской диалектологической комиссии. В 1912 г. Дурново пытается вернуться в Москву и занять должность «инспектора народных училищ в г. Москве или в одном из участков Московской губернии» (там же), однако получает отказ, обусловленный, по предположению Т. А. Сумниковой, политическими причинами — дальним родством Н. Н. Дурново с П. Н. Дурново, в 1905—1906 гг. министром внутренних дел, позднее статс-секретарем, сенатором и членом Государственного совета, известным своими консервативными убеждениями. Сыграло ли действительно роль это дальнее родство, при том что реальных отношений с петербургскими сановниками у Н. Н. Дурново не было, а род Дурновых был многочислен и никаким родовым единством не отличался, остается неясным, однако более конкретный политический подтекст все же мог существовать.

О политических симпатиях Н. Н. Дурново нам мало что известно. В анкете арестованного 1933 г. говорится: «В партиях не состоял. В политических выборах не участвовал. Политической деятельностью не занимался» (Ашнин и Алпатов 1993, 54). Семья, однако, была монархической, православной, чуждой не только каких-нибудь радикальных увлечений, но и кадетского либерализма. Нет никаких оснований думать, что политическая ориентация ученого существенно расходилась с ориентацией его близких¹. Весьма показательна в этом пла-

¹ Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов характеризуют политические взгляды Дурново как «либерально-демократические и чуждые крайностей, что проявляется и в его документах 30-х годов» (Ашнин и Алпатов 1993, 56). Для этого, кажется, нет никаких оснований, кроме собственных либеральных пристрастий авторов. Документы 30-х годов, т. е. протоколы допросов и показания прокурору Акулову 1934 г., вряд ли были теми бумагами, в которых Дурново мог и хотел подробно изложить свои воззрения тридцатилетней давности. На допросах он упоминает, что «[б]ыл членом „Союза 17 октября“ в 1906 г. В 1907 г. отошел от практической работы в виду несогласия с программой» (Сумникова 1995, 79; Ашнин и Алпатов 1994, 19). В чем состояло несогласие с программой октябристов, Дурново не указывает.

не его позиция в отношении студенческих беспорядков 1905—1906 гг. В бумагах Дурново сохранилась записка к нему семи студентов-филологов: «[П]росим Вас освободить нас от Вашего присутствия на лекциях Миллера и Кирпичникова, так как после прошлогоднего известного Вам инцидента считаем оскорбительным для себя пребывать в одной аудитории с Вами» (Сумникова 1995, 80). Инцидент состоял, как можно понять, в том, что Дурново назвал бастующих студентов негодьями⁹. Такая реакция была редкостью среди университетских преподавателей, настроенных, как правило, либерально и в той или иной степени сочувствовавших студентам. Позиция Дурново была явно ближе позиции А. И. Соболевского, резко выступавшего против студенческих комитетов, чем позиции либеральной профессуры (о конфликтах в академической среде этого времени см.: Пуришкевич 1914). Никак не свидетельствует о каких-либо симпатиях к либерализму деятельность Дурново в земских учреждениях или в качестве помощника предводителя дворянства (см. об этой общественной деятельности Дурново: Сумникова 1995, 81—82). Политические позиции подобного типа могли сыграть роль в судьбе Дурново: и в академической, и в учебной, и в художественной среде господство либерализма обращалось в преследование несогласных.

Как бы то ни было, в 1915 г. Дурново все же вернулся в Москву, хотя работа приват-доцента никак не избавляла его от материальных

Т. А. Сумникова предполагает, что это было вызвано изменением программы октябристов «в сторону царизма» на 2-м съезде партии в 1907 г. (Сумникова 1995, 81). Столь же правдоподобны, однако, и прямо противоположные основания. Отец Дурново и его братья вступают в Союз русского народа, находившийся существенно справа от октябристов, видимо, в силу разочарования в октябристском реформизме и реакции на либерализм. В 1906 г. брат Н. Н. Дурново Михаил Николаевич пишет ему о земском собрании в Рузском уезде: «Почему кадеты взяли такой верх?—больно стало от такой вести» (Сумникова 1995, 80),— и, видимо, рассчитывает на сочувствие брата. Так что расхождение с октябристами, если оно вообще было, могло быть справа, а не слева. Не исключено, однако, что после катаклизмов 1905—1906 гг. Дурново просто отстраняется от партийного противоборства.

⁹ В архиве Дурново сохранилась его объяснительная записка об инциденте со студентом Яковлевым, который назвал Дурново подлецом и толкнул его из-за того, что Дурново накануне в разговоре нелегитимно отозвался о бастующих студентах. Дурново писал: «Я нахожу, что Яковлев имел такое же право обругать меня подлецом, какое я имел право назвать бастующих студентов негодьями» (Сумникова 1995, 80).

трудностей (см.: Сумникова 1995, 79). После смерти Ф. Е. Корша в 1915 г. председателем Московской диалектологической комиссии стал Д. Н. Ушаков, а Дурново сделался его заместителем. В 1916 г. он наконец защитил магистерскую диссертацию, ею стала его фундаментальная работа «Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории Повести об Акире» (Дурново 1915). Как именно он пережил 1917 год, мы сведениями не располагаем. В 1918 г. открылся университет в Саратове, куда перешел ряд профессоров Дерптского университета, в новом университете Дурново получил по конкурсу должность профессора и уехал в Саратов вместе с семьей и отцом. 13 октября этого же года Дурново в Петроградском университете защитил докторскую диссертацию, которой стали его «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров».

В Саратове Дурново пробыл недолго. Осенью 1920 г. Поволжье охватило голод, и университет, приютивший многих видных ученых, начал распадаться. В 1921 г. Дурново покидает Саратов и переезжает в Москву, хотя в Москве у него никакой работы не было. Вообще, по многим свидетельствам, Дурново был непрактичен и лишен всякой житейской цепкости, и в условиях большевистского режима ему от этого приходилось особенно тяжело. Д. Н. Ушаков ввел Дурново в комитет по составлению общедоступного словаря русского языка, однако этот комитет просуществовал лишь до 1923 г., да и жалование было весьма скромным. В 1923 г. Дурново остался вовсе без работы. Как он позже показывал на допросе, «[с] 1923 г. по VIII.1924 г. работал в качестве товарища председателя Московской диалектологической комиссии и занимался научной работой» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). В это время Дурново издает три книги: «Повторительный курс грамматики русского языка», «Грамматический словарь» и «Очерк истории русского языка» — и пытается источником пропитания сделать научную работу. Вообще же тяжелые обстоятельства способствовали парадоксальным образом интенсивности ученого труда; именно в этот период Дурново обследует восточнославянские рукописи XI—XII вв., и собранные при этом данные служат материалом для его позднейших работ по истории книжного (церковнославянского) языка. В 1924 г. Дурново избирают членом-корреспондентом Академии наук — конфликты между либералами и консерваторами явно перестают быть актуальными перед лицом большевистской диктатуры, а Академия еще сохраняет некоторую независимость.

В 1924 г. Дурново уезжает из России. В своих показаниях 1933 г., цитируемый фрагмент которых кажется вполне достоверным, он писал: «В конце 1923 г. из-за ликвидации комитета по составлению общедоступного словаря русского языка я остался без работы. В таком положении я был и в 1924 г. Неопределенность моего положения и мое отрицательное отношение к Советской власти привели меня к решению искать возможности для выезда за границу. В августе 1924 г. я получил гонорар за мои книги „Очерк истории русского языка“ и „Повторительный курс русской грамматики“. Мне удалось получить от Академии наук командировку в Чехословакию на 4 месяца, и я выехал за границу. Я ехал с твердым намерением в Советскую Россию не возвращаться и остаться в эмиграции» (Ашнин и Алпатов 1994, 20). Дурново эмигрировал, но благополучия не нашел и в эмиграции. Во-первых, он надеялся, что за ним последует его семья, однако советский режим отказал им в разрешении на выезд. Во-вторых, перспективы устроить жизнь в Чехословакии были неутешительны. В период между двумя войнами Чехословакия более других стран старалась помочь эмигрировавшим из России ученым, однако ее возможности были ограничены, и для всех места не находилось.

О Дурново хлопочет Р. О. Якобсон, бывший его учеником и работавший в то время в советском полпредстве в Праге. Дурново получил пособие для русских эмигрантов от чехословацкого министерства иностранных дел, Чехословацкая академия предоставила ему средства для диалектологической поездки в Закарпатье. Наконец, на весенний семестр 1926 г. он был приглашен философским факультетом университета им. Масарика в Брно в качестве профессора-гостя; переработкой этих лекций стала его книга «Введение в историю русского языка», изданная в 1927 г. в Брно (Ашнин и Алпатов 1994, 21). Это, собственно, и были все успехи в Чехословакии. Дурново оказался в эмиграции без семьи и без постоянной работы. 17 мая 1927 г. он пишет Б. М. Ляпунову: «Мое материальное и семейное положение начинает становиться катастрофическим, и я совершенно не могу представить, когда я буду иметь финансовую возможность вернуться из своей просроченной за отсутствием средств заграничной командировки» (Робинсон и Петровский 1992, 69). В этих условиях Дурново и решает вернуться в Советский Союз.

Подтолкнуло его к этому предложение работать в Белоруссии, в Белорусской академии наук, которое сделал ему П. А. Бузук. В Бело-

русии активно создавали национальную культуру и, соответственно, национальную филологию, и столь крупный ученый, как Дурново, был для них неоценимым приобретением. Дурново избирают академиком незадолго перед тем созданной Белорусской академии наук, и в феврале 1928 г. он переезжает в Минск, где получает место как в Институте белорусской культуры, так и в университете. Пришедшее здесь относительное благополучие было призрачным и кратковременным. С начала 1930-х годов Сталин начинает построение коммунистической империи, и национальные культуры, равно как и вся система гуманитарного образования и науки, должны были вписаться в новую коммуно-имперскую парадигму. В национальной политике это означало прекращение того строительства автономных национальных культур, которое стимулировалось самими же большевиками в предшествующий период — тогда в противовес русской национальной традиции; перемена же политики воплощалась прежде всего в уничтожении основных деятелей, проводивших более ранние установки. В области науки и образования новая линия реализовалась в реформировании и полном подчинении партийному руководству старых институций, которые теперь должны были обслуживать культурную политику советской империи. Ученым предстояла перековка; забракованных для перековки уничтожали, как сорняки, по возможности вместе с памятью об их делах и трудах.

Первый этап осуществления новой политики был ознаменован процессом Промпартии, «делом историков» (С. Ф. Платонов и др.), арестами по делу Трудовой крестьянской партии (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов; процесс не состоялся, но арестованные отправились в лагеря и тюрьмы), борьбой с «буржуазными националистами» (аресты в национальных республиках; процесс «Союза освобождения Украины» в Харькове в 1930 г.). В Белоруссии с 1929 г. расправлялись с так называемыми «нацдемами» (национальными демократами), и те, кто еще не был арестован, торопились избавиться от подозрительного окружения. Дурново был исключен из Белорусской академии³, оставаться в Мин-

³ Нет нужды специально указывать, что никакого отношения к белорусскому национальному движению Дурново не имел, а к деятелям белорусского национального строительства, в 1920-е годы санкционированного большевиками, относился достаточно скептически. Так, например, из Минска он писал Б. М. Ляпунову: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской „Академии Наук“ [...] Их белорусский патриотизм часто выливается в

ске было опасно и невозможно, и в начале 1930 г. он вновь возвращается в Москву. Однако тучи над русской наукой сгущались, и перспективы в Москве не было никаких. В 1930 г. его, правда, еще выдвигают в академики на место, освободившееся за смертью А. И. Соболевского, но эти попытки обречены на неудачу. Академия была совсем не той, что в 1924 г., когда Дурново избрали членом-корреспондентом. В 1929 г. в Академию пропихивают большевистскую пятую колонну: сначала Бухарина, Кржижановского и Губкина, затем Деборина, Фриче и Н. М. Лукина, а под конец Луначарского и В. П. Волгина, который сменяет С. Ф. Ольденбурга на месте неперменного секретаря. Изменения вносятся в устав Академии, появляются «материалистическое мировоззрение», «нужды социалистической реконструкции», и исключение из Академии тех членов, чья деятельность «направлена во вред Союзу ССР». Разматывается «дело историков», арестованы С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, В. Н. Бенешевич, С. В. Бахрушин, С. В. Рождественский, А. М. Мерварт, Я. Н. Ростовцев, С. К. Богоявленский, В. И. Пичета (как и Дурново, академик Белорусской академии). Понятно, что ни кандидатура Дурново, ни кандидатура Л. В. Щербы не проходят, избранным оказывается Н. С. Державин, креатура большевиков (Переченок 1991). Звание члена-корреспондента никакой защитой больше не служит, скорее оно оказывается знаком беды.

Беда не заставляет себя долго ждать. Правда, еще три года Дурново перебивается в Москве, существуя на мизерную академическую пенсию и нерегулярные заработки («Карманный чешско-русский словарь», статьи в зарубежных журналах, чтение одного курса для аспирантов в Научно-исследовательском институте языкознания). Тем временем чекистская террористическая машина работает без перебоев. Деятели науки, промышленности, культуры усмиряют по разрядам, и в 1933 г. очередь доходит до филологов, преимущественно славистов. Н. Н. Дурново и его старший сын А. Н. Дурново (начинающий славист) были первыми жертвами. Поводом послужил оговор М. Н. Скач-

форму нелепого и вредного повинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны» (Робинсон и Петровский 1992, 71). Именно последнее обстоятельство до времени утешало Дурново. Позже (в 1931 г.) Дурново обвинялся в том, что «выступал в своих работах, трактуя белорусский язык как наречие русского языка» и «заявлял, что марксизм не имеет и не может иметь никакого отношения к теории языка» (там же, 72). В этой травле принимал участие и пригласивший Дурново в Минск П. А. Бузук (там же, 73).

кова, знакомого Дурновых, арестованного по обвинению в участии в эсеровской организации и назвавшего Дурново «участником националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу» вместе с М. Н. Сперанским, Г. А. Ильинским и М. С. Грушевским (Ашнин и Алпатов 1994, 12). В ночь на 28 декабря 1933 г. Н. Н. Дурново и А. Н. Дурново арестовали, через три дня 31 декабря была арестована Варвара Трубецкая, невеста А. Н. Дурново и племянница Н. С. Трубецкого, еще через несколько дней ее отец, брат Н. С. Трубецкого, В. С. Трубецкой.

Подбор первого эшелона арестованных не был случайным. Для начинающегося «дела славистов» ОГПУ выбрало евразийский сюжет. Этот сюжет, видимо, был среди давних заготовок чекистов, поскольку многие евразийцы были их агентами. Евразийцы во главе с Н. С. Трубецким не только формулировали существенно новое понимание судеб России, сохраняющее определенное значение и по сей день, но и вынашивали некоторые политические амбиции. Они пытались образовать политическую организацию, централизованную и конспиративную, занятую пропагандой своих идей, причем не только в эмиграции, но и в Совдепии, где должно было расти число их сторонников. Политические игры не были безобидными, ОГПУ за ними наблюдало и готово было при случае использовать. Одним из таких случаев и стало «дело славистов».

Ни Н. Н. Дурново, ни большинство других обвиняемых никакого отношения к евразийству не имело и евразийских идей не разделяло⁴.

⁴ Исключением, возможно, был А. Н. Дурново. У него при обыске была изъята записная книжка под названием «Мысли для себя» с выписками из евразийских сочинений. Как замечают Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, эта книжка «была затем основным источником для формулировки в материалах дела „идейных основ“ „Российской национальной партии“» (Ашнин и Алпатов 1994, 13). Свидетельствуют ли эти выписки об усвоении евразийской идеологии или лишь отражают интерес молодого человека (А. Н. Дурново было 23 года) к новым историософским идеям, выяснить, конечно, невозможно.

Об отношении к евразийству Н. Н. Дурново будет сказано ниже. Вряд ли правы Ф. Д. Ашнин и В. М. Алпатов, полагая, что следователи по «делу славистов» были «явно не искушенным[и] в тонкостях евразийства» (там же, 58). Во всяком случае о такой неискушенности никак не свидетельствует определение евразийства как «русского фашизма». Непонятно, почему авторы книги о «деле славистов» считают, что «Н. С. Трубецкой всегда был противником фашизма» (там же). В 1920-е годы евразийская концепция идеократии несомненно ассоциировалась с